

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА ЧЕРНОЗЕМЬЯ. XX ВЕК

Среднерусская сторона, Центральная Россия, Центральное Черноземье... По-разному называют наш срединную, исконную Русь. Да дело и не в том, чтобы и общество, и наука пришли к однотипному стандартизированному пониманию, окончательному определению. Без “штампа о прописке” жива и прочна наша родовая память, как живы многовековые корни, традиции, взаимные симпатии и дружба... Смоленск, Брянск, Тула, Орел, Курск, Воронеж... Это ядро не только русской государственности, но и культуры, литературы. Наш земляк Иван Бунин, говоря о языке Льва Толстого, подчеркивал: “Это не толстовские, это наши общие особенности: особенности языка той сравнительно небольшой местности, самые дальние окружные точки которой суть Курск, Орел, Тула, Рязань и Воронеж. И разве не тем же языком пользовались чуть ли не все крупнейшие русские писатели? Потому что чуть не все они – наши... Жуковский и Толстой – тульские, Тютчев, Лесков, Тургенев, Фет... – орловские..., Кольцов, Никитин, Гаршин, Писарев – воронежские... Даже и Пушкин с Лермонтовым отчасти наши, ибо их родичи, Воейковы и

Арсеньевы, тоже из наших мест, из наших кварталов, как говорят у нас...”

Двадцатый век был трудным и драматически сложным для развития нашего обширного региона. Отказ от традиционного уклада жизни, революции, войны, огонь социальной вражды... И тем не менее взлет культуры, образования, становление новой общности людей. Самое яркое событие – Великая Победа... Естественным было стремление писателей заново осмыслить прошлое, рассказать своим современникам о героических страницах истории края, о замечательных земляках, о красоте и величии нашей Родины.

Характерно, что, напротив, в XIX – начале XX века интерес прозаиков нашего региона к исторической тематике был относительно невелик. В этом ряду тогда невозможно было встретить именитых авторов. Разве что вспомнить курского уроженца Евгения Львовича Маркова. Читателю он был известен как автор повести “Барчуки” (1875) и романа “Черноземные поля” (1877). В последнем своем романе “Разбойница Орлиха” (из местных преданий XVIII века), опубликованном

в 1904 году в издании А. Суворина, Е.Л. Марков давал понять, что пугачевщина черпала свою силу в злоупотреблениях власти, в произволе отдельных помещиков. Однако главный смысл романа сводился к тому, что молодая красавица – разбойница Орлиха осознает неправоту своей мести господам, молит Бога о том, чтобы он простил ей тяжкие прегрешения. Дворяне же в романе изображены сусалью до невероятности.

Революция подвела черту под сентиментальной прозой такого плана. Однако и новая проза долго не могла возродиться, образно говоря, “на графских развалинах”. В числе первопроходцев был Андрей Новиков, друг Андрея Платонова, воронежский уроженец, журналист, в 1920-е годы редактор газет “Брянский рабочий” и “Орловская правда”. В дальнейшем он жил в Москве, но на титульном листе своей книги “Родословная многих поколений” написал: “Брянским краеведам, материалы коих автор использовал для вольного изложения повести”. Первая из трех повестей этой книги – “Повесть о камарницком мужике”. Она – о событиях конца XVIII века, о восстании на юго-западе Орловской губернии. Используя многочисленные документы, Новиков дал подробности тех драматических событий. Рисую истинную картину народного возмущения и поражения восставших, писатель не сглаживал противоречий, анализировал события, как принято было прежде говорить, с четких классовых позиций.

Но именно эта классовая заданность, на мой взгляд, не давала мастерам прозы в первые два послереволюционных десятилетия создать новые, достойные эпохи исторические полотна. Пожалуй, первая ласточка своеобразной оттепели – роман-диалогия нашего земляка, мценского уроженца Ивана Алексеевича Новикова “Пушкин в изгнании” (это широко известное ныне произведение впервые увидело свет в 1936 году). В последующие годы выходит ряд других заметных книг, в частности роман Сергея Бородина “Дмитрий Донской”.

Сергей Петрович Бородин провел ранние годы в тульском Белеве, здесь с 1913 по 1920 год он учился в реальном училище имени В.А. Жуковского, увлекался живописью и литературой. Широкую известность Бородину принес роман “Дмитрий Донской”, впервые опубликованный в 1941 году. Появившись вслед за “Разиным Степаном” А. Чапыгина, “Петром I” А. Толстого, “Пугачевым” В. Шишкова, “Дмитрий Донской” явился значительным вкладом в развитие жанра

советского исторического романа. По признанию самого писателя, замысел романа тесно связан именно с Тульским краем: “Если бы с детства не слышал в своей семье тех или иных рассказов о Куликовской битве, смутных воспоминаний о каких-то стариках, которые что-то помнили, переданное им через ряд поколений от очевидцев или участников битвы. Всё это жило в народной памяти, и что-то знаменательное хранилось в местах, где за пятьсот лет произошло великое событие. Поэтому я не могу вспомнить, когда именно впервые узнал о Донском и о битве. Это пришло не из учебников истории, а из воздуха, которым дышал в детстве”.

Роман “Дмитрий Донской” имел огромное значение в годы Великой Отечественной войны, был удостоен Сталинской премии в 1941 году, издавался в Англии, Канаде, Дании, ГДР, Чехословакии, Югославии и других странах.

С тульским краем неразрывно связано творчество Евгения Александровича Федорова. Он родился в 1897 году на Южном Урале, впервые попал в Тулу в годы гражданской войны, сразу пленился историей этого замечательного города и его мастерами. Хорошо известен его исторический роман-эпопея “Каменный пояс”, в основе сюжета которого – история уральских заводчиков Демидовых, выходцев из Тулы. Роман не только хроника демидовского рода, но и яркое изображение жизни народа, всего Русского государства в течение длительного исторического периода, от времен Петра I до второй половины XIX века.

Николай Иванович Рыленков родился в ноябре 1909 года в деревне Алексеевка Рославльского уезда. Работал в редакции областной газеты “Рабочий путь”, стал одним из основателей смоленской поэтической школы. Многим юным школярам, особенно в провинции, памятны его трогательные строки:

*Хоть выйди ты не в белый свет,
А в поле за околицей, –
Пока идешь за кем-то вслед,
Дорога не запомнится,
Зато, куда б ты ни попал
И по какой распутице,
Дорога та, что сам искал,
Вовек не позабудется.*

С первых дней войны Николай Рыленков – на фронте. Командовал взводом в саперном батальоне, был военным корреспондентом армейской

печати. После освобождения Смоленщины возвращается в родной город, долгие годы возглавлял Смоленское отделение Союза писателей СССР. Его повесть «На старой Смоленской дороге» была издана в 1955 году. Фактически это роман с таким пронзительным, поэтичным началом: «В ту весну в Смоленске необычайно буйно цвели сады, и весь город утопал в бело-розовой кипени. В густом, горьковато-сладком от цветочной пыльцы воздухе кружились шелковистые лепестки яблонь, вишен и груш. Ими были усыпаны на тихих улочках все кровли домов. Старики говорили, что они не помнят на своем веку такого щедрого цветения, и находили в нем какие-то таинственные предзнаменования... В то тревожное время почти не прекращающихся войн, когда даже в самой глухой деревушке за полсотни верст от уездного города, где, случалось, не было ни одного грамотного человека, но где обязательно находился хоть один побывавший в далеких походах калека-солдат, и там можно было услышать горячие толки о Наполеоне Бонапарте, задумавшем покорить весь мир и уже завоевавшем почти всю Европу, кроме одной России, которая теперь и стоит ему поперек дороги. Вот почему людей не радовали ни дружное половодье, сулившее богатый урожай, ни ранние весенние грозы, предвещавшие погожее лето, ни буйное цветение садов».

Первые послевоенные годы стали временем рождения многих и многих книг исторической прозы – и не только в столицах, но и в провинции. Сказался мощный патриотический подъем, а также происшедший еще в середине 1930-х годов перелом, когда на смену вульгарным представлениям об отечественной истории пришло вдумчивое, внимательное отношение к ее изучению. Видимо, в конце 1940-х – начале 1950-х это цивилизованное отношение к нашему прошлому стало кого-то пугать, заставило срочно «бросить под пресс» слишком вдохновившихся авторов. Историческая тема была объявлена незаконно разросшейся и выпятившейся вперед. Секция художественно-исторического жанра в Союзе писателей СССР была упразднена. В издательствах, уловив тенденцию, мгновенно переориентировались, выбросив из планов готовые к печати рукописи.

Писатель Сергей Николаевич Голубов, выступая на Втором съезде Союза писателей СССР (декабрь 1954 года), подчеркнул, что изменения в лучшую сторону всё-таки произошли, но главное

осталось без изменений: «Это главное состоит в лишении писателей художественно-исторического жанра, атмосферы творческого общения, которая исчезла вместе с исчезновением их секции... Дискуссий о художественно-исторических произведениях давным-давно нет. На пленумах – тишина, в печати – алхимия. Естественно, что художественно-историческая литература давно перестала быть течением, даже потоком. Она всего лишь всплески отдельных волн, и заметны эти волны только тогда, когда жизнь вдруг прорвется и вынесет на поверхность ту или другую книгу... А между тем есть люди, и у людей есть силы. Но всё это вянет, когда наталкивается на глухую тенденцию противопоставления современности и истории. Нелепое противопоставление, порочная тенденция» (Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. – М.: Советский писатель, 1956).

С такой же яркой речью выступал С.Н. Голубов и на Первом съезде писателей РСФСР. После этих выступлений отношение к писателям-историкам изменилось к лучшему. Но только спустя десять с лишним лет художественно-исторический жанр был окончательно **реабилитирован** (воистину!). Председатель правления Союза писателей РСФСР Л.С. Соболев со свойственной ему прямотой с трибуны съезда писателей Российской Федерации откровенно признал: «Есть вид литературы, о котором следует сказать особо. Силой вещей он оказался на некоторое время как бы в тени, заслоненный главной задачей поворота литературы к современности. Это литература художественно-историческая, историко-революционная... Идеино-воспитательное значение такого рода литературы огромно» (Литературная газета, 1965, 4 марта. Доклад Л.С. Соболева).

Действительно, кого могут воспитать книги схематичные, образы малозапоминающиеся, «выпрямленные»? Где ошибки, где сомнения героев? В том и суть литературы, что, рассказывая о доблестях, о славе, писатель может показать и человеческую незащищенность героев, их взлеты и падения, искушения. Не случайно великий мастер слова Флобер говорил: «Нужно перенестись в действующее лицо». А наш земляк, маститый писатель Иван Новиков, выступая на творческом вечере в декабре 1954 года, рассказывал читателям: «Я предполагаю продолжить роман о Пушкине, собрать материал для новой книги о нем. Надо в этом материале чувствовать

себя как дома, чтобы начать писать новый роман". Не менее важно и мастерство рассказчика. Именно повествователь с его манерой высказываться, с его речевой и общей культурой интересен читателю в историческом романе, пожалуй, не менее, чем повествовательная канва.

Да, эти сложные и переменчивые 1950-е и 1960-е годы, когда в литературу пришла целая плеяда мастеров исторической прозы, дали и новое понимание ее специфики, места и роли в отечественной литературе, **понимание метода**. Кто они, мастера исторической прозы послевоенных десятилетий, уроженцы Центральной России?

Николай Задонский родился в Задонске в 1900 году, учился в частной гимназии в Ельце. В революционные годы работал в газетах Ельца, Задонска, Воронежа. Творческий путь начинал как драматург. Всероссийскую известность ему принесли историко-документальные хроники, многократно издававшиеся в Воронеже и Москве: "Мазепа" (1940), "Денис Давыдов" (1952), "Смутная пора" (1954), "Донская Либерия" (1959), "Кондратий Булавин" (1959), "Жизнь Муравьева" (1963 – 1964).

Владимир Александрович Кораблинов родился в 1906 году под Воронежем. Работал художником в редакции газеты и книжном издательстве, публиковался как поэт. В начале 1950-х годов написал сценарий об Алексее Кольцове, на основе которого был создан роман "Жизнь Кольцова" (1954, многократно переиздавался). Автор нескольких романов, в том числе "Жизнь Никитина" (1974), а также цикла так называемых воронежских повестей ("Казак Герасим Кривуша", "Воронежские корабли" и др.). В его повестях и романах многовековая воронежская история схвачена в ее самых узловых, поворотных моментах. Оставаясь с точки зрения конкретной фабулы автором сугубо воронежским, В. Кораблинов сумел вместе с тем стать писателем общерусским. Из бесчисленного множества сюжетов и прототипов для своих персонажей смог отобрать самые значительные, яркие, такие, в которых отразились судьбы Отечества.

Литературовед Михаил Слонимский отмечал: "Художественный домисел весьма и весьма присутствует в романе Кораблинова, в то же время исторически правдивом, построенном на документальных фактах... Творческий подход к документу не только позволителен художнику, но, на мой взгляд, и обязателен, когда дело идет о глубоко раскрытии исторической и жизненной

правды. Кораблинов пишет художественное произведение, а не научную диссертацию, он стремится, очевидно, не к цитатной достоверности, а к достоверности изображения жизни и людей, к той большой художественной правде, в которой растворяются документы, фактические данные, являющиеся основой домисла" (Нева, 1955, № 3, с. 173).

Замечательным писателем-краеведом вошел в литературную историю Центральной России Владимир Константинович Соколов. Он родился в мае 1910 года на Смоленщине, окончил ИФЛИ, работал в "Орловской правде". В годы войны – заместитель редактора газеты, выходившей в Ельце, сотрудник оперативной группы Орловского штаба партизанского движения. Он вспоминал спустя почти четыре десятилетия: "Жили и работали под постоянными бомбежками фашистских самолетов. Воздушные тревоги объявлялись два-три раза в сутки. Сотрудникам редакции частенько приходилось проводить свой короткий сон где-нибудь в убежище или на подшивках газет на полу в редакции, так как многие их жилища были разрушены бомбами. Трижды попадали они и в мои квартиры, которые после очередного налета вражеской авиации приходилось искать вновь. От прямого попадания была уничтожена редакционная легковая автомашинка, а мне по счастливой случайности за какие-то доли секунды удалось выскочить из нее и укрыться в бомбоубежище... Два-три раза в неделю бомбы падали во дворе редакции или рядом. Поэтому стекла в окнах редакции не вставляли. Они были забиты досками".

В дальнейшем судьба В.К. Соколова была связана с Брянском – в 1950-е годы работал редактором областной газеты "Брянский рабочий", был секретарем обкома КПСС, заместителем председателя облисполкома, с 1968 года почти полтора десятилетия возглавлял Брянскую писательскую организацию, написал ряд книг: "Край партизанский" (Брянск, 1959), "В брянских дубравах" (Брянск, 1960), "Партизанские зори" (Брянск, 1962), "Партизанские годы и судьбы" (Брянск, 1963), "Сердце помнит..." (Тула, 1966), "Партизанские были" (М., 1968), "Где-то в Брянском лесу" (Тула, 1971), исторические повествования "Брянская старина" (Брянск, 1961, в соавторстве с А. Шкробом), "Атаман Брянского леса" (Тула, 1970), "Сказки Брянского леса" (Тула, 1976), "Емельян Чернодыр" (Тула, 1981) и другие.

Действие романа В.К. Соколова “Емельян Черныдыр” разворачивается в конце XVIII века. Борьба крепостных крестьян Орловщины за “свободного крестьянина на свободной земле” является основным стержнем произведения. Крестьянские вожаки воплощают волю народа, выражают мысли и чувства наших предков. Бунтарей постигает неудача. Гибнут вожди и сотни восставших крестьян. Но и погибая, они верят в будущее русского народа. Последний абзац романа: “Минули годы. Пропитанная крестьянской кровью и слезами земля теперь расцветает новыми садами, парками и нивами – свободная земля! Если послушать лес, когда разливается на вершинах багрянец утренних зорь, то можно услышать, что повествует он старые и новые сказы о славных борцах за народное дело”.

Георгий Васильевич Метельский родился в июне 1911 года в брянском Стародубе. Учился в Липецке, Москве, работал в “Комсомольской правде”. В послевоенные годы жил в Прибалтике, но в качестве профессионального писателя объехал практически всю страну (Ямал, Таймыр, Якутия, Чукотка, Камчатка, Сахалин, Курильские острова, республики Средней Азии и Кавказа). Автор более сорока книг, в частности в “Политиздате” в серии “Пламенные революционеры” были изданы его историко-биографические повести о Зыгмунте Сераковском (“Доленго”, 1972), Петре Смидовиче (“Неповторимый”, 1976), Иване Фиолетове (“До последнего дыхания”, 1984). В последние годы жизни Метельский написал несколько историко-биографических повестей и романов о поэтах Ф.И. Тютчеве и А.К. Толстом, промышленнике С.И. Мальцове (“Сергей Мальцов. Повесть о миллионере-подвижнике” (Брянск, 1995)). В предисловии к этой книге Метельский подчеркивал: “О Мальцове написано до обидного мало и, главное, необъективно... Дореволюционные работы о Мальцове куда более объективны и к тому же интереснее. Однако их опубликовано очень мало... В меру своих возможностей я старался воссоздать образ того человека, которого я представил себе после розысков и изучения тех, к сожалению, крайне скудных материалов о нем, которые удалось найти в печати более чем столетней давности, и по рассказам людей, ныне живущих в том краю, где прошли лучшие годы жизни самого Мальцова”.

Вот уже шесть десятилетий прошло с того дня, как в газете Орловского района было напечатано первое стихотворение Василия Катанова “Родина”. Удивительна верность теме! Не на пустом

месте родилось знание русского языка, умение из множества слов выбрать самое нужное. Ведь ничто не научает так бережно, любовно относиться к слову, как занятие стихосложением (историческая проза вообще очень близка поэзии!). Пожалуй, главным, определяющим в писательской биографии стало то, что родился и вырос в деревне, что русскому языку учился у родных людей, у заветных книг. Исподволь зарождалась любовь к старине, очарование ее неяркой красотой, и, как следствие, выкристаллизовывалось желание на пепелище всех разрушений жестокого XX века восстановить утраченное, поделиться своим сокровенным открытием. Рискну утверждать, что путь Василия Катанова определили и романтические 1960-е годы. Открыть землякам самих себя, рассказать о скромных людях, знаменитых на всю страну, – этому научила журналистская работа, которая сказалась на стиле Катанова-краеведа.

Интерес молодого газетчика к старым фолиантам, к библиофильским поискам и находкам уже скоро озарился “солнечным взрывом” от знакомства с историей края. Местное краеведение было разгромлено в 1930-е годы, да и в годы послевоенной разрухи мало кто в Орле интересовался стариной, ее осколками. Василий Катанов начинает собирать разрозненные свидетельства о былом. Вначале основной темой исследований были революционные годы: отдельными изданиями выходят большие очерки “Ферапонт Захаркин”, “Родзевич-Белевич” (в соавторстве с М.Н. Колоколовой), “Мичман Панюшкин”. Затем он создает краеведческую страницу в “Орловской правде” под названием “Родимый край”. Многие памятны его страстные выступления в защиту русской культуры, памятников и исторических мест. Он шел на открытое столкновение с властью, что грозило опалой. Но тем выше был авторитет писателя в среде ревнителей старины, учителей, работников культуры. Им стали близки его слова, подытоживающие нелегкое дело возвращения исторической памяти: “Ушло в дремучие дали время, когда разрушение старины считалась чуть ли не подвигом во имя лучезарного завтра, когда сады и парки дворянских усадеб объявлялись с трибун “патриархальным пейзажем”. Навсегда ли ушло?” – этот вопрос, с тревогой произнесенный Катановым, увы, пока никак не отнесешь к разряду риторических.

У многих и многих орловцев на заветной книжной полке томики Василия Катанова “Живые

письмена”, “Однажды в Орле”, “Сабуровская крепость” (о знаменитых полководцах Каменских), “Царский венец”... Поистине летопись родного края.

Вспоминаю два дня в зимней Москве, мы волю прошли улицам и площадям, по книжным магазинам. Скверы, бульвары, переулки, старинные особняки – Василий Михайлович знает столичную географию и историю, пожалуй, лучше иных московских старожилов, знает, потому что здесь жили, здесь бывали его герои, знаменитые орловцы. Хорошо было шагать по московским улицам с таким удивительным собеседником, чувствовать, как трогают они его поэтическую душу. Отступала куда-то Москва казенная, рекламная, новорусская, жаждущая долларов. Была понятна душе Москва юная, сияющая куполами храмов, державная, за которую русскому человеку жизнь отдать не жалко.

Подводя итог этому экскурсу по летописи нашей среднерусской исторической прозы, хотелось бы сказать следующее. Своими книгами писатели на протяжении десятилетий формировали (и формируют, несмотря на все катаклизмы последних лет) новую общность людей, пробуждая у воспитанного в советское время поколения, у поколения, задавленного ныне западными стереотипами, ностальгию по минувшему, заставляя задумываться над историей.

Писателю, а тем более историческому писателю, приходится работать больше, чем человеку любой другой профессии. Его книги – плоды

огромного, невероятного труда. Сколько раздумий, поисков, черновой работы! Чисто материальный итог усилий невелик: мизерные тиражи, копеечные гонорары или полное отсутствие таковых – труд уборщицы в банке оплачивается куда как щедрее. Авторы исторической прозы намеренно, осознанно выбирают занятие историей малой родины в ущерб возможной славе всероссийской, может быть, в противовес известности-однодневке, скандальной популярности. Какую великую поддержку здесь могли бы оказать нам столичные издатели, открыв путь к широкому читателю!

Подлинное краеведение – всегда краелюбие. Любой российский край должен иметь своих художников-летописцев. Жить в старинном русском городе (Смоленске, Брянске, Орле или Воронеже) – значит невольно ощущать себя в непрерывно движущемся потоке времени. Казалось бы, писатель-историк, как монастырский летописец, всеми своими думами в прошлом. Но тем одухотвореннее, суевернее, говоря словами Тютчева, его вера в любовь, в торжество жизни и красоты. Снова хочу привести слова Василия Катанова, который говорит, шагая по знакомой с детства тропинке: “Под колючими кронами старых груш, на косогоре чутко дремлет родная старина: прикоснешься сердцем – и заговорит она во весь голос о величии России”.

Передать новым поколениям правду о прошлом – вот главный смысл нашей большой и прекрасной работы!